

УДК 347.963

ПРОКУРАТУРА ТАССР В ГОДЫ ВОЙНЫ

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ*

Перед самым началом Великой Отечественной войны произошла смена прокурора Татарской АССР. 8 февраля 1941 года решением бюро Татарского обкома ВКП(б) работа прокуратуры ТАССР и Верховного суда ТАССР по выполнению Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля 1940 года была признана крайне неудовлетворительной. Было отмечено, что прокурор республики Перов В.С. не придавал политического значения этим Указам. Перов был освобожден от должности как не справившийся с работой. Одновременно прокурором ТАССР был утвержден Д.Н. Исупов. Это решение было внесено на утверждение ЦК ВКП(б).

Дмитрий Николаевич Исупов родился в 1903 году в Кировской области. В 1930 году окончил Ленинградский юридический институт, работал год судьей, затем учился в аспирантуре в Ленинграде. В сентябре 1936 года он начал работать преподавателем кафедры гражданского права Казанского юридического института. Вскоре он становится заведующим учебной частью, а с 1939 года является заместителем директора института по учебной и научной работе.

Каким же образом обычный доцент, заместитель директора Казанского юридического института вдруг стал прокурором Татарской АССР? Тут возможно несколько объяснений. Во-первых, Исупов был весьма под-

готовленным, грамотным, квалифицированным специалистом. Он имел высшее юридическое образование, закончил аспирантуру, занимался наукой, преподавал и в институте проявил себя очень хорошо. Вузов тогда было мало, и Исупов был на виду. Вполне очевидно, что руководство республики знало делового, способного, грамотного заместителя директора юридического института.

Во-вторых, могла сыграть свою положительную роль рекомендация или характеристика Исупова со стороны К.П. Горшенина, который в 1935–1937 гг. работал в Казанском юридическом институте, в том числе заместителем директора, исполнял обязанности директора. В 1937 году Горшенина пригласили в Наркомат юстиции СССР, где он возглавил Управление учебных заведений. В январе 1940 года Горшенин становится народным комиссаром юстиции РСФСР. С большой долей вероятности можно предположить, что назначение Исупова прокурором ТАССР не обошлось без участия Горшенина, без его рекомендации.

И, в-третьих, возможно, что назначению Исупова на должность прокурора ТАССР способствовало его участие в проверке работы прокуратуры ТАССР. По постановлению Татарского обкома ВКП(б) от 29 января 1940 года было решено проверить работу прокуратуры ТАССР за 1939 год. Создали бригаду обкома, в которую в

числе других вошел и Исупов. Комиссия проверила работу прокуратуры по всем основным вопросам. Докладная записка Комиссии обкома подробно (на 36 листах) описывает недостатки и нарушения в деятельности прокуратуры. Обком ВКП(б) пришел к выводу о крайне неудовлетворительной работе прокуратуры по реализации Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля 1940 года. Обком также констатировал слабый судебный надзор за делами по Указу от 26 июня 1940 года. Прокуроры в Верховном суде выступали мало по делам этой категории, нарастала отменяемость приговоров народных судов. Имелись факты неосновательного возбуждения уголовных дел. В уголовно-судебном отделе образовались «залежи» жалоб и дел, что потребовало потом «штурмовщины». Ошибки и недоработки были установлены по исполнению Указа по борьбе с прогульщиками, с выпуском недоброкачественной продукции и т.д.¹

Кроме того, члены Комиссии, Исупов и Семенов, представили дополнительную докладную записку, в которой основной упор был сделан на обобщении отдельных категорий дел. По результатам обобщения получалось, что прекращается 33% всех уголовных дел о должностных, хозяйственных преступлениях. Также было прекращено 17% дел в отношении привлеченных к уголовной ответственности сельских, районных и колхозных работников. То есть должностные лица, люди из деревни привлекались к уголовной ответственности неосновательно.

Из основной докладной записки Комиссии видно, что прокуратура не обобщала карательную политику по отдельным категориям уголовных дел. А Исупов и Семенов провели такое обобщение, результаты которого дали вывод о необходимости внесения серьезных корректив в практику

возбуждения, расследования и судебного рассмотрения отдельных категорий уголовных дел.

По результатам комиссии состоялось заседание бюро Татарского обкома ВКП(б) с отчетами заместителей прокурора Татарской республики Ибатуллина и Калмыкова. На заседании бюро выступали и проверяющие, члены комиссии, в том числе и Исупов. Как уже было указано, проверка и обсуждение ее результатов закончились отставкой прокурора республики Перова².

Вполне возможно, что активное участие Исупова в работе Комиссии обкома по проверке прокуратуры ТАССР, со знанием дела составленные им документы и толковый доклад на бюро способствовали созреванию мнения: «а что – он ведь готовый прокурор республики!».

24 апреля 1941 года на партийном собрании прокуратуры ТАССР Д.Н.Исупов появился впервые в качестве нового прокурора республики. В этот день заслушивался отчетный доклад о работе партбюро, состоялись выборы партбюро. Выступил Исупов, который сообщил о признании обкомом партии работы прокуратуры ТАССР неудовлетворительной и о задачах, стоящих перед прокуратурой в связи с этим.

Вскоре началась Великая Отечественная война. 30 июня 1941 года состоялось объединенное партийное собрание Наркомюста, Верховного суда, прокуратуры, адвокатуры. С докладом о революционной бдительности выступил прокурор республики Исупов. Работники прокуратуры уходили в действующую армию. За первые девять месяцев войны из аппарата прокуратуры ТАССР были призваны в РККА 14 прокуроров (лучших прокуроров – писал Исупов в обком), в том числе заместитель республики по спецделам, 2 начальника отдела.

Вся деятельность прокуратуры переходила на военные рельсы. Как и в других учреждениях, в 1941 году в прокуратуре ТАССР было проведено сокращение штатов. Прокуратура была вынуждена снизить участие прокуроров в суде. Были случаи, когда после объявления тревоги совещания у прокурора республики Исупова проводились в темноте. В здании прокуратуры было холодно.

Война внесла серьезные коррективы в надзорную работу органов прокуратуры. 26 июля 1941 года Исупов провел оперативное совещание с участием военных прокуроров по вопросам проведения мобилизационных мероприятий. По результатам совещания были направлены соответствующие указания. Прокуратура требовала быстрого расследования дел по мобилизационным мероприятиям. Злостные срывщики мобилизационных мероприятий привлекались к уголовной ответственности, карательная политика по этим делам была усилена. В 1941 году прокуратура в связи с проведением мобилизационных мероприятий возбуждала уголовные дела за распространение ложных слухов, вызывающих тревогу населения; за уклонение от мобилизации; за самовольную отлучку; за дезертирство из части; за срыв, уклонение от поставок автотранспорта; за порчу автотранспорта; за срыв поставки лошадей и др.

На оперативном совещании у Исупова 28 августа 1941 года обсуждался вопрос о поставках недоброкачественных автомобилей для РККА. Как было указано на совещании, районные военкоматы Татарии отправили для нужд армии 615 автомобилей, из них 321 оказался негодным. Было решено создать комиссию из представителей военкомата, военной прокуратуры и автоинспекции для проверок наиболее неблагополучных районов. Руководителей предприятий, председателей

колхозов привлекали к уголовной ответственности за отказ предоставить по мобилизации транспорт, машины, лошадей, повозки, либо за предоставление их в неисправном виде.

Лица, злостно уклонявшиеся от трудового участия в строительстве оборонных сооружений, привлекались к уголовной ответственности как за контрреволюционное преступление. Следствие по этим делам требовалось провести в 3-дневный срок и в такой же срок рассмотреть дело в суде. Итого человека могли осудить за 6 дней.

За период с 1 сентября по 20 декабря 1941 года милицией Казанской железной дороги было арестовано и предано суду Военного трибунала 735 дезертиров – бывших красноармейцев. Имелись факты членовредительства с целью уклонения от мобилизации. Люди рубили себе пальцы, чтобы не идти на войну. Их отдавали под суд. Были случаи, когда отдельные лица специально совершали преступления, чтобы их арестовали и осудили, лишь бы не идти в армию. Людей привлекали к уголовной ответственности за невыполнение государственных обязательств по поставке продуктов, за невнесение обязательных финансовых платежей.

Военнообязанный Краснов, сын кулака, получил повестку от Алькеевского райвоенкомата и скрылся. Когда его поймали и спросили, зачем скрывался, он ответил: «Вы меня когда раскулачивали, то я вам был не нужен. А теперь стал нужен. Зачем я пойду защищать Родину?».

Людей судили за разговоры о том, что немцы подошли к Москве, что совсем немного осталось, чтобы взять Москву. Наказание – вплоть до расстрела. В Казани и районах в 1941 году не раз возникали слухи о том, что маршал Тимошенко совершил измену и перешел на сторону немцев. Под

трибунал за распространение таких слухов отдали 12 человек, но это не помогало, слухи продолжали распространяться. Чтобы положить им конец, опубликовали соответствующую информацию в газетах.

За распространение слухов пострадал в числе других и помощник прокурора Казанской железной дороги Добронравов Анатолий Николаевич. Его, в частности, обвинили в проведении пораженческой агитации в пользу фашистской Германии. Основанием для этого послужили следующие неосторожные высказывания Добронравова: «Положение с защитой Москвы тяжелое», «Немцы – большие патриоты своей страны», «В тактике настоящей войны мы отстаем от немцев на сто лет», и другие. Однажды утром супруга спросила у прокурора: «Говорят, наши войска оставили Тулу». Добронравов удивился, и ответил: «Я не знаю, но наведу справки». На работе во время политинформации Добронравов и задал злополучный вопрос насчет Тулы. Оказалось, что Тула наша. В результате сигнал о расспросах и отдельных высказываниях Добронравова дошел до НКВД. Прокурора арестовали 17 февраля 1942 года и осудили на 10 лет. Меньше чем через год Добронравов скончался в лагере.

19 июня 1942 года за ведение антисоветской агитации в условиях военного времени арестовали следователя прокуратуры Кировского района города Казани Барова Сергея Ивановича. Антисоветская агитация заключалась в отдельных высказываниях, в частности, Баров выражал недовольство реализацией займа обороны, отказывался от расследования контрреволюционных дел, и даже назвал Сталина «грузинским царем». Барову тоже дали 10 лет, он их отсидел полностью. И. Баров, и Добронравов впоследствии были реабилитированы.

Прокуратура уделяла особое внимание вопросам создания местными органами власти условий эвакуированным семьям, в том числе семьям начальствующего состава РККА. Эвакуированные семьи военнослужащих должны были обеспечиваться дровами, теплой одеждой, керосином, хлебом. По состоянию на октябрь 1941 года по ТАССР было размещено 4 тысячи семей начальствующего состава Красной армии. Однако права эвакуированных зачастую нарушались.

Исполком г. Казани 30 июля 1941 года принял решение, в силу которого подлежали выселению в 3-дневный срок из г. Казани в сельские районы все граждане, «не имеющие связи с городом» (под эту категорию подпадали и эвакуированные). Было разработано соответствующее Положение, согласно которому переселению подлежали семьи, если в них никто не работает, и средствами к их существованию являлись спекуляция, сдача жилья, скрытое кустарничество, огородничество, скотоводство, попрошайничество. Выселению подлежали и «самозастройщики».

Несмотря на ситуацию военного времени, прокурор республики Исупов опротестовал это решение исполкома, посчитав его незаконным. Об этом он представил подробный рапорт прокурору РСФСР.

Исполком Кайбицкого района в июле 1942 года принял решение о выселении из райцентра в другие населенные пункты 12 семей эвакуированных. Это мотивировалось направлением этих семей на сельхозработы. Переселяемым вручались повестки.

Прокуратура выступила против этого решения. Прокурор республики Исупов писал, что переселение семей эвакуированных из райцентра в связи с мобилизацией отдельных членов семьи на сельхозработы является неза-

конным. В отношении председателя райисполкома Ахмадуллина прокуратура возбудила уголовное дело.

Много было злоупотреблений с хлебными карточками, имелись факты расхищения хлебных фондов, спекуляции хлебом, другими продуктами. В городе были перебои в торговле хлебом, большие очереди, особенно в августе 1941 года. В связи с этим прокуратура провела проверку системы Казгорхлебторга. Общая дневная потребность в хлебе по состоянию на август 1941 года составляла 163,5 тонны. Однако в городе готовилось хлеба только 133,79 тонн. Получалась разница в 29 тонн. По результатам этой проверки прокурор Исупов внес докладную записку секретарю обкома Алемасову, с указанием причин такого положения и необходимых мер для исправления ситуации.

На прокуратуру возлагалась задача контроля за выпуском военной продукции оборонными и другими заводами. В 1941–1942 годах возбуждались уголовные дела по заводам № 40 и 16. В 1941 году был арестован и отдан под суд директор завода №340 им. Горького г. Зеленодольска Меркурьев за систематическое невыполнение государственного задания (изготовление пехотных лопат, буксиров, кораблей, бронекатеров и т.д.). Требуемые поставки выполнялись, но в меньших количествах, чем это было установлено заданием.

Начальника Управления Татлеосохраны Тимченко и управляющего Татхозснаблесом Хонцера отдали под суд за срыв плана по выпуску и поставке специальной продукции для фронта – лыж, лыжных брусков, рам для снегоступов. Их действия были квалифицированы прокуратурой по статье 109 Уголовного кодекса как должностное преступление (халатность). Информация по этому делу в октябре 1941 года была направле-

на прокуратурой ТАССР секретарю Татарского обкома партии ВКП(б) Варламову. Тот наложил резолюцию: «Прокуратуре дано указание о переквалификации этого дела». Понятно, что речь шла о переквалификации на статью Уголовного кодекса о контрреволюционном преступлении. Вот так было в военное время (да и в другое): преступления квалифицировались по указаниям партийных органов³.

Заведующий совхозным отделом Татарского обкома Ахмеров в 1942 году вернул в прокуратуру ТАССР обвинительное заключение следователя Тазетдинова, утвержденное заместителем прокурора Надеевым по делу по обвинению Зайнуллина по ст. 109 УК РСФСР. Заведующий отделом написал: «Считаю необходимо пересмотреть, его надо привлекать как саботажника по хлебосдаче, а по состоянию хозяйства возможно подобрать другую статью»⁴. Эти примеры можно продолжить.

Одним из важных направлений прокурорского надзора военного времени было исполнение Указа от 26 июня 1940 года по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины (прогулы, самовольный уход с работы и др.). Администрация должна была подавать материалы на прогульщиков в суд, однако по различным причинам это требование нарушалось. Руководители предприятий нередко ограничивались наложением на нарушителей трудовой дисциплины административных взысканий. На такие приказы прокуроры приносили протесты и добивались передачи материалов в суд. Были случаи, когда прогулы скрывались путем оформления отпусков без содержания. За укрывательство прогульщиков прокуратура привлекла к ответу 32 человека (по состоянию на август 1941 года).

В то же время в этих вопросах было много неразберихи и неспра-

ведливости. Достаточно сказать, что по состоянию на 1 июля 1941 года в суды поступило более 11 тысяч дел по этому Указу, из них 1470 человек были оправданы, прекращены дела на 632 человека. То есть почти каждый пятый-шестой отдавался под суд необоснованно.

Только один пример. Инспектор Татарского Управления связи был в командировке в течение 12 дней, вернулся в 12 часов дня и в день приезда на работу не вышел. Его осудили. Лишь Верховный суд РСФСР отменил приговор, указав, что человек был в длительной командировке, возвращался в трудных условиях бездорожья и не смог в этот день быть на работе⁵.

При обобщении исполнения Указа от 26 июня 1940 года прокуратура установила, что среди осужденных по этой категории дел значительное место занимают молодые рабочие, окончившие ФЗО. Не имея опыта самостоятельной жизни, они, столкнувшись с трудностями, совершали нарушения трудовой дисциплины, и их отдавали под суд. Прокуроры проводили по этим фактам проверки. Например, в Камском Устье директор завода передал в суд 166 материалов на молодых рабочих, окончивших ФЗО. Проверка установила, что молодые рабочие не были обеспечены общежитием, работали в ненормальных условиях. В результате все материалы на них из суда отозвали и отдали под суд директора завода. Но вскоре директора мобилизовали в армию, чем дело и закончилось.

Следователь прокуратуры Кировского района г. Казани Пospelов В.Г. плохо расследовал уголовные дела, отлучался с работы по своим надобностям, совершал прогулы, да еще и выпивал в служебном кабинете с посторонним лицом. Приказом от 28 декабря 1941 г. он снимается с работы

и заключается под стражу с привлечением к уголовной ответственности.

8 октября 1942 года прокурор ТАССР Исупов передает в суд материал на следователя прокуратуры Бауманского района г. Казани Панфилова – за совершение прогула в течение одного дня, для привлечения к ответственности по Указу от 26 июня 1940 года. 12 апреля 1943 г. следователь прокуратуры Дзержинского района г. Казани Камалова М.Г. опоздала на работу на 1 час 5 минут. Прокурор республики издает приказ – отдать Камалову под суд по Указу от 26 июня 1940 г. Так что никакого снисхождения и работникам прокуратуры в части соблюдения трудовой дисциплины не было.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года была установлена уголовная ответственность за самовольный уход (дезертирство) с предприятий военной промышленности в виде тюремного заключения от 5 до 8 лет (в дальнейшем эту норму распространили и на некоторые другие отрасли). Самовольный уход с других предприятий карался тюремным заключением от 2 до 4 месяцев. За прогул без уважительной причины карали исправительно-трудовыми работами.

Ситуация военного времени требовала чрезвычайных мер, применения самых жестких санкций. С современной точки зрения опоздание на работу на 20 минут выглядит невинной шалостью, не заслуживающей даже внимания. А во время войны за это отдавали под суд и сажали!

Большой резонанс в начале войны получило уголовное дело в отношении руководителей Сармановского района. Хлебоуборочные работы 1941 года в районе прошли плохо. На полях осталось много необранного и незаскирдованного хлеба, картофеля. Часть собранного урожая колхозы

израсходовали на внутриколхозные нужды и раздали на трудодни колхозникам. Это квалифицировали как массовое разбазаривание хлеба.

Собранный хлеб необходимо было засыпать в так называемые глубинные пункты приема хлеба. Они относились к Петровскому спиртзаводу. Спиртзавод подписывал фиктивные квитанции и через него колхозам выплачивались государственные средства. Когда факты обмана начали вскрываться в отдельных колхозах, прокурор района Шарипов поставил этот вопрос на заседании бюро райкома. Однако 27 января 1942 года на заседании бюро райкома ограничились принятием общего решения об исправлении ошибок, продолжая давать в Казань ложные сводки о хлебозаготовках, исходя из фиктивных квитанций.

По данным следствия, с 15 сентября по 20 декабря 1941 года по 20 глубинным пунктам было оформлено фиктивных квитанций на сдачу 12619 центнеров хлеба на сумму более 53 тысяч рублей. К уголовной ответственности были привлечены первый и второй секретари Сармановского райкома партии, председатель райисполкома, райуполнаркомзаг, директор Петровского спиртзавода и др.

Прокуратура также осуществляла надзор за исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». В районных отделах социального обеспечения в этом вопросе допускались многочисленные нарушения: несвоевременное рассмотрение заявлений и оформление решений комиссии, длительное перечисление денег на книжки, необоснованные отказы в назначении пособий и т.д. Нарушения допускались как райсобе-

сами, так и другими органами (почта, сельсоветы, райуполнаркомзаг и др.). Прокуроры реагировали на эти нарушения, как и сегодня, протестами, в том числе и устными. В то же время были и обратные факты: выдача фиктивных справок о мобилизации и, соответственно, хищение пособий, неправильное предоставление льгот по налогам и поставкам и др.

Письма солдат проверялись. Если нежелательная информация все же доходила, то цензуре могли сделать замечание. Например, секретарь Татарского обкома партии Мухаметов писал начальнику Политического Управления РККА Мехлису по поводу письма красноармейца Морозова из села Старое Пальчиково. Морозов написал своим родителям об ожесточенных боях, и о том, что погибло много его односельчан. Письмо читала вся деревня, у всех упало настроение, что отразилось на работе колхоза. В этой связи Мухаметов делал вывод о неудовлетворительной работе органов военной цензуры.

Кроме того, органы прокуратуры проверяли исполнение постановления правительства о сдаче населением на хранение радиоприемников (чтобы народ не слушал вражеские голоса). Все приемники должны были быть зарегистрированы. Проводилась работа по изъятию незарегистрированных радиоприемников. За каждым приемником коллективного пользования закреплялись ответственные лица. Разрешалось только организованное слушание советских радиостанций в установленное время. Частные лица должны были сдать свои приемники на хранение. За несдачу приемников грозила ответственность.

Несмотря на военное время, продолжалась подготовка, учеба кадров. Осенью 1942 года в Казани были укомплектованы трехмесячные юридические курсы прокурорско-следс-

твенных работников. База курсов находилась в Казанском юридическом институте. Задача курсов состояла в подготовке в короткий срок новых кадров для органов прокуратуры.

Хотя и существовало указание обкома не посылать прокурорских работников в качестве уполномоченных в колхозы, это требование на местах часто нарушалось. Работники прокуратуры отвлекались от своей основной работы по заданиям партийных органов. В декабре 1941 года народный следователь прокуратуры Билярского района Афанасьев по указанию первого секретаря РК Демидова был закреплен в деревню Муллино уполномоченным по вывозке зерна и обмолоту. С 17 по 29 декабря Афанасьев работал уполномоченным, одновременно выезжая в райцентр для исполнения своих обязанностей следователя. Узнав об этом, 26 декабря Демидов запретил следователю выезжать из деревни без его разрешения. Следователь пытался объяснить, что у него лежат без движения арестантские дела. «Пусть лежат», – заявил первый секретарь. 27–29 декабря Афанасьев находился в деревне, потом вернулся в райцентр. 1 января 1942 года собрали бюро райкома и обвинили следователя Афанасьева в неисполнении указания райкома. Тот обратился к прокурору республики Исупову. Следователь спрашивал: «Что делать?» – выполнять ли ему указания райкома и забросить следственную работу? Исупов направил письмо в обком. В результате Афанасьева освободили от обязанностей уполномоченного.

О том же писал и прокурор Ворошиловского района Баширов. На совещании райпрокуроров 22 декабря 1941 года Баширов обязался устранить отмеченные на совещании недостатки по осуществлению надзора. Однако сдержать обещание не удавалось, так как прокурора назначили в

колхоз «Магариф» уполномоченным. Баширов высказал свое несогласие первому секретарю райкома Гареєву. Но прокурора никто не слушал. «Если не поедешь – исключим из партии», – сказали в райкоме. Опять же через обком Исупов вернул Баширова на непосредственную прокурорскую работу.

10 марта 1942 года Исупов направил в обком партии письмо о том, что в последнее время участились случаи закрепления секретарями районных комитетов партии райпрокуроров уполномоченными в отдельные колхозы на продолжительное время. Тем самым срывалось выполнение своей срочной работы – осуществление надзора, борьба с преступностью, рассмотрение жалоб, дел и др. Исупов сообщал, что в Аксубаевском районе райком прикрепил к колхозам в качестве уполномоченных всех работников районной прокуратуры (прокурора, его помощника и следователя). Хотя закрывая прокуратуру, вешай замок и объявление: «Прокуратура закрыта, все уехали уполномоченными в колхоз». В качестве уполномоченного мобилизовали прокурора Тельмановского района Сидорова и др. Прокурор республики Исупов просил обком освободить райпрокуроров от исполнения подобных обязанностей.

В мае 1942 года Исупов снова обращается в обком. Прокурора Больше-Тархановского района Шамсутдинова райком включил членом районной комиссии по сбору теплых вещей. «Это незаконно!» – писал в обком Исупов. Он сообщал о случаях закрепления прокурорских работников уполномоченными в колхозах в Алькеевском, Актанышском, Муслимовском, Шереметьевском, Пестречинском и других районах⁶.

Более того, летом 1942 года сам Исупов и другие работники центрального аппарата прокуратуры Та-

тарским обкомом партии были направлены в командировки, связанные с сельхозработами. В это же время прокуратура СССР требовала основное внимание прокуратуры уделить выполнению военных заказов. Прокурор СССР Бочков в августе 1942 года поручил следователю по важнейшим делам при прокуроре СССР А. Минько немедленно передать секретарю Татарского обкома ВКП(б) Колыбанову его просьбу об отзыве из командировок по сельскохозяйственным вопросам Исупова и других прокурорских работников с тем, чтобы они переключились на контроль за работой военной промышленности по выполнению заказов для Наркоматов боеприпасов и вооружения⁷.

Работа прокуратуры ТАССР в условиях военного времени (с июля 1941 года по июнь 1942 года) была проверена комиссией Татарского обкома ВКП(б). В большой объемной справке по результатам проверки указаны недостатки и упущения прокурорского надзора по разным направлениям деятельности. Немало замечаний было высказано персонально в адрес самого Исупова. Серьезным недостатком было названо то, что Исупов не проявляет необходимую настойчивость и требовательность к подчиненным. Это выразилось, в частности, в том, что за это время Исупов не отдал под суд ни одного районного прокурора, а ограничивался лишь выговорами и снятием с работы. Как всегда, указали на плохой подбор и расстановку кадров. В целом справка была обычной – немало нарушений, недостатков, но и определенная работа прокуратурой проводилась. Самое главное, в справке не было разгромных фактов, не содержала она и предложений об оргвыводах. Материалы комиссии были направлены в прокуратуру РСФСР⁸.

По результатам рассмотрения вопроса 26 июня 1942 года было принято

Постановление бюро обкома «О работе судебно-следственных органов». Бюро поручило прокурору ТАССР Исупову совместно с отделом кадров обкома полностью укомплектовать аппарат районных прокуратур и центрального аппарата. Казанскому горкому партии также было поручено помочь прокуратуре в наборе кадров. В постановлении также предусматривалось, что переход прокурорских работников на другую работу возможен только с согласия прокурора республики.

Постановление бюро обсудили на общем партсобрании прокуратуры ТАССР 13 июля 1942 года. Естественно, все согласились с правильностью выявленных партией недостатков. Как отметил секретарь парторганизации Бабинцев, постановление бюро могло быть для прокуратуры и построже. В протоколе собрания отмечено и о фактах несвоевременных ответов на запросы прокуратуры СССР и прокуратуры РСФСР⁹.

Кроме того, в постановлении бюро Татарского обкома от 2 декабря 1942 года было отмечено, что прокурор республики Исупов, наркомюст Якупов не повернули внимание руководимых ими органов на борьбу за хлеб. Постановление бюро было принято в целом по положению дел с хлебозаготовками.

2 декабря 1942 г. Исупов Д.М. был освобожден от должности с формулировкой как «не справившийся с возложенными на него обязанностями». Это был благополучный для него исход – ведь одновременно с ним одним приказом был освобожден от должности прокурор Иссык-Кульской области Киргизской ССР: тоже как не справившейся с работой, но вдобавок с привлечением к уголовной ответственности.

Следующий прокурор Татарской республики военного времени – Иван

Дмитриевич Ардерихин приступил к работе в декабре 1942 г. Ранее он работал прокурором Ворошиловградской области Украинской ССР. На заседании партбюро парторганизации 18 декабря 1942 года Ардерихин сообщил слова прокурора СССР Бочкова при встрече с ним – «обратить внимание на дисциплину в прокуратуре ТАССР». Как следует из выступлений Ардерихина и Бабинцева на этом заседании, причиной смены руководства в прокуратуре ТАССР явилось: «Исупов не сделал того, что надо» (Ардерихин), «Исупов наладить дисциплину не сумел» (Бабинцев).

В этой связи 24 декабря 1942 года Ардерихин выступил на общем партийном собрании прокуратуры ТАССР со специальным докладом «О государственной и партийной дисциплине и о задачах органов прокуратуры».

Работа Ардерихина началась с конфликта. Желая усилить работу прокуратур сельских районов, он подготовил приказ о закреплении отдельных работников отдела общего надзора центрального аппарата к сельским районам, а также о закреплении работников к промышленным районам г. Казани. Это привело к тому, что одна из работниц, не согласившись с приказом, подала заявление об увольнении. Другая работница была не согласна с приказом, ссылаясь на наличие ребенка. Третий работник пошел к Ардерихину с возражением против приказа принять сельские районы.

Работать с сельскими районами было сложнее, надо было выезжать в командировки и т.д., поэтому работники отказывались исполнять приказ Ардерихина. Но прокурор республики настоял на своем.

А дисциплина в прокуратуре действительно хромала. Не случайно, когда в январе 1943 года Ардерихин провел внезапные проверки в кабинетах,

то в столах отдельных прокуроров были обнаружены дела, которые лежали без движения по полгода. Был издан соответствующий приказ о наказании. В феврале 1943 года снова нашли дела, длительное время лежавшие в столах без движения (у Айбиндер и др.).

Самые распространенные преступления, которые расследовались в 1942–1943 годах:

саботаж хлебопоставок, разбазаривание хлеба;

дезертирство с оборонных предприятий;

уклонение от военной службы;

уклонение от трудовой повинности.

Прокуратура республики и районные прокуратуры обязывались к неукоснительному исполнению постановления ГКО от 22 января 1943 года «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Согласно указанному постановлению, на хлеб и другие продукты были введены карточки и талоны. Тем не менее, имелось много фактов нарушений при выдаче хлебопродуктов. По этим вопросам Ардерихин вносил представления в Совнарком и обком. Постоянное внимание прокуратуры уделялось вопросам охраны социалистической собственности на предприятиях, в колхозах и совхозах.

За антигосударственную практику – разбазаривание хлеба первого обмолота, несдачу хлеба государству – руководители района, председатели колхозов привлекались к уголовной ответственности. Причем, за срыв и саботаж хлебозаготовок привлекали к уголовной ответственности по ст. 58-14 УК РСФСР как за контрреволюционное преступление. Хотя и преступления эти выражались в основном в раздаче хлеба в виде пайка своим колхозникам, либо в использовании хлеба на внутривоспитательные нужды.

Например, в Билярском районе хлебосдача государству была сорвана, во многих колхозах допускалось разбазаривание зерна. В сентябре 1942 года на совещании в РК секретарь райкома Демидов заявил, что сейчас надо заканчивать сев, поднимать зябь, а хлеб можно возить позже, и даже зимой. Его действия называли оппортунистическим руководством, антигосударственной установкой. 20 декабря 1942 года военный трибунал войск НКВД приговорил Демидова к расстрелу. Председателю райисполкома Скотникову и заведующему РЗО Крашениникову дали соответственно 10 и 8 лет лишения свободы. Суровый приговор трибунала за такие же действия был вынесен и в отношении руководителей Кызыл-Армейского района.

За саботаж хлебопоставок в Буденновском районе были арестованы секретарь райкома партии Ахметшин, председатель райсовета Баскаков. Пострадал и прокурор Буденновского района Воронцов. Его обвинили в том, что он не принимал мер по переданным в прокуратуру материалам о саботаже хлебопоставок со стороны руководства района и руководителей колхозов. По этим материалам прокурор района вынес постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а 2 материала оказались утерянными. Прекращаемость уголовных дел о расхищении хлеба, распространение самогонарения, волокита в рассмотрении жалоб, падеж скота и так далее – все это было квалифицировано как уголовное преступление, предусмотренное статьей 109 УК РСФСР. Воронцов был приговорен к лишению свободы на пять лет. Сегодня за это могли бы привлечь к дисциплинарной ответственности. Но тогда шла война...

Вскоре прокурор Воронцов оказался в штрафном батальоне. Он командовал ротой и пропал без вести.

Большое внимание уделялось экономике хлеба, недопущению перерасхода хлеба. Строго контролировались продовольственные и промтоварные карточки – их нельзя было продавать. За это привлекали к уголовной ответственности по ст. 169 УК РСФСР. За спекуляцию карточками привлекали по ст. 107 УК РСФСР.

В начале января 1943 года Ардерихин сообщил в Татарский обком о том, что прокуратурой ТАССР переданы в военный трибунал 118 уголовных дел на саботажников хлебопоставок и расхитителей хлеба. На 5 января 1943 года военный трибунал рассмотрел 56 дел, остальные дела лежали без рассмотрения. Кроме того, в трибунале накопились 2 600 дел за нарушение Указа от 26 декабря 1941 года о дезертирстве с предприятий оборонной промышленности, которые подлежали заочному рассмотрению.

Ардерихин сообщил, что работа трибунала организована неудовлетворительно, людей в трибунале не хватает, сессия военного трибунала выехала с опозданием в Бугульму.

Решить вопрос можно было бы путем передачи уголовных дел о хлебопоставках Верховному суду ТАССР. Но такой вариант Ардерихин считал нецелесообразным, так как это привело бы к задержке исполнения решений. Ведь по делам Верховного суда допускалось обжалование, а при рассмотрении дел трибуналом обжалование исключалось, и приговор сразу вступал в силу. О сложившейся ситуации Ардерихин информировал прокурора СССР Бочкова¹⁰.

К осужденным дезертирам, прогульщикам оборонных предприятий судами применялась и такая тяжелая для того времени мера воздействия, как уменьшение нормы хлеба. Причем восстановить полную норму хлеба можно было только через месяц, по ходатайству начальника цеха. И если

на предприятиях восстанавливали полную норму хлеба для нарушителей до истечения месячного срока, то прокуратура принимала соответствующие меры реагирования. В частности, в январе 1943 года в информации секретарю Казанского горкома ВКП(б) Ардерихин сообщил о «чрезвычайно добром» директоре завода № 4 им. Калинина, который допустил подобный факт нарушения постановления СНК СССР от 18 октября 1942 года.

Еще одно интересное наблюдение Ардерихина из данной информации. Он сообщал, что массовые опоздания на работу происходят в том числе и из-за совершенно неудовлетворительной работы городских трамваев. Прокурор ТАССР назвал городской трамвай бичом промышленных предприятий г. Казани, который крадет у государства миллионы рабочих часов. Из-за плохой работы трамвая рабочие заводов вынуждены были ходить на работу пешком. Естественно, что люди опаздывали на работу¹¹.

В течение 1943 года прокуратура республики неоднократно проверяла следственную работу Наркомата госбезопасности ТАССР (за 1942–1943 гг.). При этом были установлены многочисленные недостатки и нарушения при расследовании уголовных дел. В целом был сделан вывод о весьма неудовлетворительном качестве следствия, грубом нарушении сроков при расследовании преступлений, фактах необъективного расследования уголовных дел. Прокуратура обратила внимание и на необоснованные аресты, волокиту и многое другое. Соответствующие письма были составлены прокурором ТАССР Ардерихиным 18 февраля 1943 года, 6 марта 1943 года, 16 апреля 1943 года, 28 июня 1943 года, 31 июля 1943 года и др. Однако на все эти письма (по сути – представления прокурора) нарком госбезопасности Татарской АССР

Габитов просто не ответил. Об этом Ардерихин 22 сентября 1943 года сообщил секретарю Татарского обкома Никитину, назвав действия Габитова пренебрежительным отношением к надзору прокуратуры¹².

Несмотря на проводимую работу, Пленум Татарского обкома ВКП(б) в марте 1943 года подчеркнул, что органы прокуратуры не перестроили своей работы в соответствии с требованиями постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 ноября 1942 года, недостаточно ведут борьбу с саботажниками хлебозаготовок, разбазариванием и расхищением хлеба, допускают волокиту по этим делам.

В 1943 году Ардерихин направил подробную информацию о нарушениях социалистической законности в районах Татарской АССР, которые выражались в массовых незаконных обысках, штрафах, мобилизациях, нарушениях устава сельхозартели и др. Нарушения, видимо, были столь серьезными, что об этом прокурор СССР Бочков внес соответствующую информацию в ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву. Из ЦК материал был направлен секретарю Татарского обкома партии Никитину.

В информации в числе прочего сообщалось, что ряд представлений прокуратуры ТАССР о нарушениях социалистической законности были внесены в Совнарком ТАССР. Однако до сих пор Совнарком не обсудил этот вопрос и не направил никаких указаний местным органам власти. В связи с этим прокурор РСФСР поставил в правительстве РСФСР вопрос о состоянии законности в Татарской АССР и непринятии правительством этой республики мер по борьбе с беззаконием¹³.

26 февраля 1943 года прокурор РСФСР Волин обратил внимание Ардерихина на то, что органы прокуратуры Татарской АССР во вто-

рой половине 1942 года значительно ослабили работу по борьбе со спекуляцией. Было указано на волокиту и длительное расследование уголовных дел, плохое качество расследования (имели место оправдательные приговоры и прекращение уголовных дел).

В условиях военного времени борьба со спекуляцией приобретала особую остроту. В этой связи был издан приказ прокурора РСФСР от 5 марта 1942 года об усилении борьбы со спекуляцией. Волин потребовал от Ардерихина устранить нарушения закона, активизировать борьбу со спекуляцией¹⁴.

Работу прокуратуры Татарской АССР в 1943 году проверил с выездом на место заместитель прокурора РСФСР Васильев. По результатам проверки прокурор РСФСР Волин 14 июля 1943 года направил прокурору ТАССР Ардерихину подробные указания с раскрытием всех недостатков и упущений в работе. Хотя и при этом был сделан общий вывод: «За период вашего пребывания в Татарии работа прокуратуры Татарской АССР несколько улучшилась», тем не менее в целом работу признали неудовлетворительной, а по отдельным, весьма важным вопросам, слабой.

В частности, были отмечены недостатки в планировании работы, распределении обязанностей между прокурором республики и его заместителями, контроле исполнения и др. Наиболее слабым участком работы прокуратуры ТАССР было признано следствие, которое характеризовалось как исключительная волокита.

Далее в указаниях отмечено ухудшение работы уголовно-судебного отдела. При этом была подвергнута критике практика, введенная Ардерихиным, в части направления в суд законченных уголовных дел. Пытаясь улучшить качество проверки законченных расследованием уголовных

дел, Ардерихин ввел практику – законченные следствием дела направлять в суд через уголовно-судебный отдел. В результате снижалась ответственность следственного отдела и отдела по надзору за милицией, создавалось лишнее звено при прохождении дел (УСО).

В ходе проверки прокуратуры РСФСР были обнаружены и факты незаконного содержания отдельных арестованных в тюрьмах. При этом было отмечено, что еще в апреле 1943 года оперативное совещание при прокуроре РСФСР обязало Ардерихина провести проверку в связи с большим числом следственно-арестованных в Татарии.

Работа отдела кадров прокуратуры ТАССР была признана неудовлетворительной. В упрек Ардерихину поставили, что в спецотделе длительное время не хватает 3 сотрудников, и что он не использовал возможность ввести должность заместителя прокурора республики по промышленности.

Ардерихин в марте 1943 года ввел в практику проведение постоянно действующего совещания по борьбе с преступностью, с привлечением к его работе представителей различных ведомств. Первое такое совещание состоялось 30 марта 1943 года. Конечно, в организации таких совещаний было немало недостатков, что и отметили проверяющие из прокуратуры РСФСР.

Прокурор РСФСР не одобрил и приказ Ардерихина, которым он установил обязательные вечерние работы до 12 часов ночи.

В целом Волин потребовал принять меры к устранению недостатков и исполнению его предложений¹⁵.

Исполком Казанского городского Совета депутатов трудящихся 18 июня 1943 года принял решение «О мерах по противопожарной обороне города Казани», в пункте 7 которого

предусмотрел, что за невыполнение настоящего решения руководители предприятий, учреждений, организаций, домоуправлений и граждане будут привлекаться к ответственности по закону военного времени.

Ардерихин внес в Совет народных комиссаров ТАССР протест на данный пункт 7 решения, указав, что исполком г. Казани не имеет права издавать подобные постановления, устанавливая повышенную ответственность по закону военного времени. Тем более Татария не относилась к областям, находящимся на военном положении. В пределах своей компетенции исполком мог применить только такие меры, как предупреждение, штраф до 100 рублей или исправительно-трудовые работы сроком до 1 месяца.

Протест прокурора был удовлетворен, и пункт 7 изложили в соответствии с положениями закона¹⁶.

В июне 1943 года в Татарии побывал секретарь Центрального Комитета партии А.А. Андреев. Он прибыл в связи с неблагоприятным положением дел в республике по севу и другим сельскохозяйственным делам. Соответствующие задачи были поставлены и перед прокуратурой. В частности, Андреев заявил, что прокуратура, районные суды очень плохо борются с нарушителями колхозной дисциплины. Он потребовал, чтобы закон о выходе колхозников на работу соблюдался полностью, чтобы все колхозники выполняли установленный минимум трудодней.

В продолжение этого секретарь Татарского обкома Колыбанов 17 июня 1943 года на радиосовещании с участием всех районных прокуроров потребовал от прокуроров прекратить антиколхозную практику, когда за выход на работу выдается 1 кг печеного хлеба, привлекая виновных в этом лиц к ответственности. Колыбанов заявил,

что такая практика ведет к развалу колхозов, а колхозники должны получать хлеб по количеству выработанных ими трудодней¹⁷.

Между тем кадры прокуратуры оставляли желать лучшего. В 1943 году был осужден к 8 годам лишения свободы старший следователь прокуратуры ТАССР Рубцов. Его обвинили в получении взятки от обвиняемого. Кроме того, при проверке выявилась нехватка вещественных доказательств у Рубцова на сумму свыше 10 тысяч рублей, в том числе двух золотых часов. Ардерихин жестко наказал нескольких сотрудников прокуратуры, которые скрывали преступные действия Рубцова, факты его пьянства, невыхода на работу¹⁸.

Не случайно подбором кадров для прокуратуры занимался и Татарский обком: секретарь обкома Никитин в 1943 году поручил сектору ОК помочь прокурору Ардерихину найти кадры.

А лучшие кадры забирали. В частности, в декабре 1943 года прокурор Бугульминского района Низамов был избран председателем Бугульминского районного совета. За Низамова, по ходатайству Ардерихина, вступился сам заместитель прокурора СССР Шаховский. Письмом секретарю Татарского обкома Муратову он попросил вернуть Низамова как квалифицированного прокурорского работника обратно в органы прокуратуры¹⁹.

18 декабря 1943 года бюро Татарского обкома приняло постановление «О мерах усиления борьбы с уголовной преступностью в г. Казани». В нем говорилось, что преступность в городе приняла исключительно большие размеры, значительная часть аппарата органов милиции засорена преступными элементами и морально разложившимися людьми, что в городе явно недостаточно наружных постов и патрулей милиции.

Также было отмечено, что прокуратура ТАССР и районные прокуратуры г. Казани стоят в стороне от организации борьбы с преступностью и не провели каких-либо серьезных мероприятий по обузданию уголовно-преступных элементов и укреплению паспортного режима в городе. В этой связи бюро Обкома дало ряд поручений прокурору республики Ардерикину, в том числе по организации в прокуратуре ТАССР отдела для работы по г. Казани²⁰.

21 декабря 1943 года бюро Татарского обкома поручает Ардерикину расследовать факты нарушения революционной законности в Балтасинском районе. Там председатель Бурбашского сельисполкома Абдрахманов и заведующий отделом райкома партии Хафизов за невыход на работу и другие нарушения трудовой дисциплины арестовали и посадили в амбар нескольких колхозников и продержали их более 8 часов.

В зоне постоянного внимания прокуратуры находится работа машинно-тракторных станций. Решением бюро Татарского обкома от 14 декабря 1943 года помощник прокурора республики Якубовский командирован в Азинскую МТС для оказания практической помощи в организации ремонта тракторов. Помощник прокурора республики Щелкин с этой же задачей командирован в Сармановскую МТС.

Постановлением бюро Татарского обкома ВКП(б) от 23 декабря 1943 года прокурору ТАССР Ардерикину поручается расследовать факты бездушно-бюрократического отношения к семьям военнослужащих в Альметьевском и Бавлинском районах; установить постоянный надзор за соблюдением законов о порядке выдачи пособий и предоставлении льгот для семей военнослужащих, привлекая виновных к судебной ответственности.

Решением бюро Татарского обкома от 30 декабря 1943 года Ардерикина обязывают провести в январе 1944 года показательный процесс над похитителями государственного хлеба в Казани (мельзавод № 4) и в В. Услоне (мельзавод № 1) в целях усиления борьбы с хищениями и недостачами хлебопродуктов в системе треста «Главмука».

30 декабря 1943 года бюро Татарского обкома принимает постановление «О фактах возмутительной волокиты в расследовании и рассмотрении уголовных дел в судебно-следственных органах». В постановлении приводятся примеры длительного рассмотрения уголовных дел (о грабежах, хищениях, делах, связанных с хлебозаготовкой, хищении социалистической собственности). Начальнику следственного отдела прокуратуры ТАССР Кунику был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Ардерикину, его заместителям Ривкину и Надееву было поставлено на вид. В постановлении бюро упоминается о работниках следственного отдела, которые сами встали на путь совершения преступлений (Рубцов, Виноградов).

Бюро Татарского обкома 2 января 1944 года требует от прокурора ТАССР Ардерикина и наркома юстиции Якупова немедленно ликвидировать волокиту в расследовании и судебном рассмотрении дел о преступлениях в системе потребкооперации, чтобы впредь все такие дела заканчивались в 10-дневный срок, а в судах рассматривались в декадный срок с момента их поступления.

На партийных собраниях в прокуратуре ТАССР 10 и 14 января 1944 года обсуждали решения бюро Татарского обкома ВКП(б) о мерах по усилению борьбы с уголовной преступностью в г. Казани и фактах возмутительной волокиты в расследовании и судебном

рассмотрении уголовных дел. Данную партийными органами оценку о серьезных недостатках в работе органов прокуратуры собрание посчитало правильным.

В начале 1944 года, когда прокурор республики находился в командировке по районам, неожиданно поступила телеграмма из Москвы об отзыве Ардерихина в прокуратуру СССР. Среди работников сразу же пошли разговоры: все, приедет новый прокурор.

Однако Татарский обком в лице секретаря Никитина выступил против и настоял, чтобы Ардерихина оставили в Казани. К мнению обкома в Москве прислушались. В этой связи Ардерихин на партийном собрании 14 января 1944 года заявил: «Обиженным придется работать со мной».

В начале 1944 года в прокуратуре Татарской АССР состоялось присвоение классовых чинов работникам прокуратуры. Введение классовых чинов было призвано поднять авторитет органов прокуратуры. Прокурору ТАССР Ардерихину в марте 1944 года был присвоен классный чин государственного советника юстиции 3-го класса.

В соответствии с приказом Прокурора СССР от 11 марта 1943 года прокуратуре Татарской АССР поручается организовать в г. Казани 3-месячные юридические курсы по подготовке прокурорских работников. Это вызывалось необходимостью подготовить новые кадры для органов прокуратуры. Такие курсы работали и в 1942 года при Исупове.

В январе 1944 года в Казани начали работу курсы по подготовке прокурорских работников для освобожденных районов Украины и Белорусской ССР. Они были организованы на базе Казанского юридического института. До этого Казанский юридический институт уже провел два выпуска для освобожденных районов. Этим вопросом

занимались прокурор следственного отдела прокуратуры СССР Смирнов и прокурор ТАССР Ардерихин.

Ветеран органов прокуратуры В.П. Ткачев вспоминал: «После тяжелого ранения, полученного на Ленинградском фронте, я почти год лечился в госпитале. Встав, наконец, на ноги, принял предложение поехать в Казань на курсы по подготовке следственных и судебных работников для освобожденных от немецко-фашистских захватчиков районов. Вместе с другими слушателями курсов, бывшими фронтовиками, начал одолевать нелегкую юридическую науку. Но все мы понимали, что главные трудности впереди – на практической работе. По окончании курсов я был направлен в распоряжение прокуратуры Белорусской ССР, которая находилась в то время в Гомеле. 6 марта 1944 года меня назначили помощником прокурора Чаусского района Могилевской области...»²¹.

В январе 1944 года работники прокуратуры Татарской АССР отчислили дневной заработок в фонд организации подарков Красной армии. Также помогли семьям красноармейцев дровами, вещами. Работники прокуратуры собирали для госпиталей белье, книги и посуду, оказывали помощь детям фронтовиков. На фронте погиб работник аппарата прокуратуры ТАССР Кузьмин. От прокуратуры семье Кузьмина в 1944 году выделили дрова, картофель.

16 марта 1944 года в Татарском обкоме состоялось совещание прокуроров районов, вел его секретарь обкома Никитин. В основном речь шла о ходе сельхозработ в 1943 году, в том числе о работе МТС. Говорили о неполном ремонте тракторного парка, нехватке семян, плохой подготовке лошадей к севу и о многом другом.

Докладчик Бесов поставил вопрос таким образом: повинны ли в плохом

положении дел прокуратуры, и отвечал: да, повинны. Прокуроров обвинили в пассивности в вопросах хлебосдачи, в том, что они не обращали внимания на сокращение посевных площадей, поголовья лошадей, скота и т.д. Докладчик обратил внимание на факты падежа лошадей, увеличение площади приусадебных участков колхозников (что якобы ведет к подрыву мощности колхозного хозяйства), на массовое воровство во время заготовки хлеба.

Бесов также сообщил, что в 1943 году по республике осуждены 460 председателей колхозов. Он назвал эту цифру недопустимой, предложил внимательно разбираться по каждому делу.

На совещании отчитались прокуроры ряда районов (Агрызского, Красноборского, Куйбышевского и др.).

Выступил и прокурор республики Ардерихин. Он призвал прокуроров к более активной работе в сельском хозяйстве республики. Ардерихин признал как ошибку прокуратуры массовое привлечение к уголовной ответственности сельскохозяйственных, колхозных кадров. В заключение прокурор республики заявил, что прокуратура должна занять свое место в республике.

Секретарь ОК Никитин в своем выступлении также обратил внимание на «чудовищные цифры арестованных», назвал прокуратуру республики «политически недостаточно бдительной». По его мнению, прокуратура потеряла политическую ориентацию, не давала политической окраски делам, и даже прокуратура республики превратилась в «деляг». Секретарь ОК призвал прокуроров быть не только сухими юристами, но и массовиками.

Из выступления Никитина также видно, в каком состоянии находилась Казань в годы войны. В 7 часов вечера в Казани все запирались на замки. Ни-

китин вопрошал: «Милиция, прокуратура, скажите, будет когда-нибудь в Казани порядок или не будет? Восторжествует ли советская законность в городе или нет, или всякие бандиты, проходимцы будут командовать и задавать тон в городе? Долго ли до нас будут доходить факты, что здесь раздели, там убили, здесь зверски изнасиловали, тут ограбили и т.д.»²².

Много было и различных слухов. 2 июня 1944 года в 12–15 часов на Площади Свободы в Казани неожиданно стал собираться народ. Поводом для этого стал пущенный кем-то провокационный слух о том, что якобы на площади состоится исполнение приговора суда о повешении детоубийц. Говорили, что, якобы, в Казани похищают детей, режут их, делают котлеты и продают на рынке. За короткое время на площади собралось много народа. Все это было расценено как распространение провокационных слухов со стороны шпионской группировки.

Ардерихин был освобожден от должности прокурора Татарской АССР после посещения Казани прокурором СССР Горшениным. Об этом, в частности, свидетельствует приказ нового прокурора ТАССР Садовникова. В нем говорится, что Горшенин лично ознакомился с работой прокуратуры ТАССР по борьбе с хищениями социалистической собственности и установил, что эта работа ведется неорганизованно. Горшенин проверил уголовные дела в районных прокуратурах г. Казани. По большинству таких дел истек 15-дневный срок следствия, но санкция на продление срока не испрашивалась. Качество следствия было плохое, ряд дел возвращены судом на доследование. По одному уголовному делу по обвинению буфетчиц ОРСА завода «Серп и Молот» за три месяца было проведено только одно следственное действие.

В приказе отмечено, что работа органов прокуратуры и милиции сведена к расследованию уголовных дел, и то они расследуются плохо и медленно. При этом не выявляются основные организаторы хищений, не вскрываются причины и условия, порождающие хищения и растраты. Установленный прокурором СССР 15-дневный срок расследования дел повсеместно нарушался, продление сроков не производилось. Неудивительно, что реакция Горшенина на эти нарушения была жесткой. По итогам проверки прокурор СССР утвердил план мероприятий по усилению борьбы с хищениями социалистической собственности по ТАССР²³.

В июне 1944 года Ардерихин отзывается в распоряжение прокуратуры СССР.

12 июля 1944 года Татарский обком принял к руководству постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 12 июня 1944 года об утверждении И.М.Садовникова прокурором Татарской АССР. Садовников Иван Мартемьянович ранее работал прокурором Тульской области, имел большой опыт работы в органах прокуратуры, занимал ответственные посты и был весьма подготовленным прокурорским работником.

Одним из главных вопросов, которым занялся Садовников по приезде в Казань, было дезертирство с предприятий, которое носило массовый характер. Достаточно сказать, что в июле 1944 года с предприятий только по г. Казани в районные прокуратуры поступило 1817 материалов на дезертиров.

Садовников предпринял активные меры, провел необходимые организационные мероприятия. Были выделены 6 следователей для работы по основным промышленным предприятиям. Провели кустовые совещания для районных прокуроров, инструк-

тивные совещания для следователей и помощников прокуроров, а также совещание с помощниками директоров по найму и увольнению 14 важнейших предприятий.

Особое внимание уделялось розыску дезертиров оборонной промышленности, т.е. людей, бежавших с оборонных заводов. Они подлежали безусловному аресту. По этому вопросу был издан приказ прокурора СССР от 1 июля 1944 года «Об усилении борьбы с дезертирством с предприятий военной промышленности».

17 июля 1944 года Садовников выступил с большим докладом о состоянии борьбы с дезертирством на совещании в Татарском обкоме. В результате, в течение июля 1944 года в органах прокуратуры находилось всего 6033 дела о дезертирстве, из них было окончено, т.е. направлено в суд, 5188 дел.

31 октября 1944 года Садовников требует от райгорпрокуроров, начальников отделов прокуратуры ТАССР взять на особый контроль все уголовные дела о хищениях, разбазаривании и недостатке хлеба, обеспечить их расследование в 15-дневный срок и судебное рассмотрение в 10-дневный срок. Лиц, виновных в этих преступлениях, немедленно арестовать, – потребовал прокурор республики. Эта директива Садовникова исходила из приказа Генерального прокурора СССР от 20 октября 1944 года по данному вопросу.

По настоянию обкома и Казанского горкома ВКП(б) правительством СССР было разрешено организовать в Казани прокуратуру города. Телеграмму прокурору СССР Горшенину о необходимости создания городской прокуратуры в Казани в марте 1944 года отправил секретарь Татарского обкома партии Никитин. Она начала функционировать с 1 сентября 1944 года. Первоначально городская про-

куратура располагалась в одном из кабинетов прокуратуры Бауманского района. Надлежащих условий для работы городской прокуратуры в Казани не было. В этой связи в ноябре 1944 года Садовников требовал от обкома выделить помещения для городской прокуратуры Казани и квартиру прокурору города.

Прокуратура активно занималась вопросами хлебозаготовок. В частности, на заседании бюро обкома 5 ноября 1944 года в числе других выступил и Садовников. Прокурор ТАССР заявил, что на местах уполномоченные и командированные из Казани товарищи сжились со всеми недостатками и не видят истинного положения дел. Более того, уполномоченные устраивают пьянки и втягивают в них председателей колхозов. В этой связи Садовников предложил обновить состав уполномоченных и сделать перестановки в районах. Он обратил внимание и на отсутствие керосина, из-за чего не работает подавляющее большинство молотилок в районе.

За хлебозаготовки строго спрашивали и с районных прокуроров. К примеру, 25 ноября 1944 года на бюро Татарского Обкома рассматривался вопрос «О серьезных ошибках в руководстве хлебозаготовками со стороны руководителей Ново-Письмянского района». Дав строгую (отрицательную) оценку антигосударственной практике сдерживания, укрытия и

растранжиривания хлеба со стороны руководства района, обком поручил прокурору республики Садовникову проверить работу прокуратуры Ново-Письмянского района, которая проявила бездеятельность в деле хлебозаготовок, допустила медлительность в рассмотрении дел, связанных с хлебозаготовками.

Также 25 ноября 1944 года при рассмотрении такого же положения дел по Кзыл-Армейскому району секретарь обкома Муратов в своем выступлении заявил: «...Хлеб надо искать... Послать от обкома ВКП(б) вместе с квалифицированными работниками прокуратуры и суда..., чтобы хлеб был найден, чтобы план хлебозаготовок был выполнен...».

В конце 1944 года бюро Татарского обкома принимает решение «О фактах нарушения социалистической законности в районах ТАССР». Этим решением райкомы обязывались обсудить вопрос об укреплении социалистической законности. Садовников придавал этому решению большое значение. Он считал, что райкомы партии должны уделять большее внимание вопросам соблюдения законности, что они должны обсуждать на бюро эти вопросы. Однако отдельные райкомы уклонялись от исполнения решения бюро. И Садовников, обращаясь в обком, призывал его воздействовать на такие райкомы.

Так закончилась Великая Отечественная война.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА ИПД РТ. Фонд 968, опись 1, дело 29. Протоколы партийных собраний и бюро прокуратуры ТАССР. 1941.

² ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 4, дело 1146. Докладные записки ... о работе суда, милиции, прокуратуры. 1940.

³ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 147. Докладные записки прокуратуры ... 1941.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 474. Татарский Обком. Особый сектор. Докладные записки ... 1942.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 147. Докладные записки прокуратуры ... 1941.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 528. Переписка ... 1942.

⁷ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 474. Татарский Обком. Особый сектор. Докладные записки ... 1942.

⁸ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 473. Справки ... 1942.

⁹ ЦГА ИПД РТ. Фонд 968, опись 1, дело 30. Протоколы общих партийных собраний и бюро прокуратуры ТАССР. 1942.

¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 828. Докладные записки ... 1943.

¹¹ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 828. Докладные записки ... 1943.

¹² ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 830. Докладные записки ... 1943.

¹³ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 829. Докладные записки ... 1943.

¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-6948, опись 3, дело 3. Директивы прокуратуры ТАССР. 1943–1944 гг.

¹⁵ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 1670. Докладные записки прокуратуры ТАССР ... 1945. Т. 3.

¹⁶ Национальный архив Республики Татарстана. Совнарком ТАССР. Фонд Р-128, опись 3, дело 44. Материалы ... 1943.

¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 759. Докладные записки ... 1943.

¹⁸ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 872. Переписка ... 1943.

¹⁹ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 1156. Протокол заседания бюро ... 6–11 декабря 1944 г.

²⁰ ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 746. Протокол заседания бюро ... 17–18 декабря 1943 г.

²¹ Советская прокуратура. Ответственный редактор А.М. Рекунков. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 137.

²² ЦГА ИПД РТ. Фонд 15, опись 5, дело 1182. Стенограмма совещания работников прокуратуры ... 16 марта 1944 г.

²³ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-6948, опись 3, дело 4. Приказы и директивы прокуратуры ТАССР. 1945–1947 гг.

Аннотация

В статье рассказывается о работе органов прокуратуры Татарской АССР во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: история органов прокуратуры Татарской АССР, Великая Отечественная война.

Summary

The article describes the work of the Tatar ASSR Prosecution Office in the period the Great Patriotic War.

Keywords: the history of the Tatar ASSR Prosecution Office, the Great Patriotic War.